

Гончаров Д. Ю.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ КАК МОДЕЛЬ КОМПЛЕКСНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

К одной из базовых категорий юридической науки относится терминология, обозначающая суть воздействия на преступность. Известные термины, при всём их сходстве, могут обладать значительными сущностными и этимологическими различиями, которые, в конечном счёте имеют важное гносеологическое значение. На основе материалов публикаций, применяя методы юридических исследований, в частности, методы сравнительного анализа и синтеза полученных данных, анкетирования, в статье определена возможность использования термина «противодействие преступности». Обозначено его содержательное наполнение относительно воздействия на преступность вообще, и уголовно-правового воздействия, в частности. Используются труды И. Я. Козаченко, Ю. В. Трунцевского, Д. А. Шестакова, М. М. Бабаева, П. С. Дагеля и других учёных. Используются результаты, полученные в ходе экспертного опроса 510 работников правоприменительных органов: судей, следователей СК России, прокуроров, работников органов внутренних дел, а также 51 работника профильных научных и образовательных учреждений. Опрос проводился в 2013—2014 гг. Были опрошены практические работники регионов России, расположенных в Центральном, Северо-западном, Южном, Северокавказском, Уральском и Сибирском федеральных округах, в том числе проходившие обучение по программам переподготовки и повышения квалификации в Академии СК России, Академии управления МВД России, иных образовательных учреждениях. Опрошены научно-педагогические работники образовательных и научных учреждений России, Беларуси и Финляндии (из числа зарубежных специалистов опрошены те, кто имеют ученые степени, полученные в Российской Федерации). В результате проведённого исследования обнаружено преобладание интегративного подхода к противодействию преступности и его регулированию. Предложено авторское определение: противодействие преступности — это деятельность, включающая совокупность мер по предупреждению преступлений и борьбе с преступностью.

Ключевые слова: противодействие преступности, уголовно-правовое воздействие, борьба с преступностью, законодательство о противодействии преступности, интегративный подход.

Введение в проблему

В юридической науке необходимо уделять значительное внимание базовым категориям, на основе которых впоследствии будут строиться рассуждения,

делаться выводы о результатах фундаментальных и прикладных исследований. К одной из таких базовых категорий относится терминология, обозначающая суть воздействия на преступность. Известны

термины «ликвидация преступности», «борьба с преступностью», «социальный контроль над преступностью», «профилактика преступности», «предупреждение преступности», «противодействие преступности», «сдерживание преступности» и другие. Наполненные собственным содержанием, нередко с едва уловимыми на первый взгляд отличиями от терминов-соседей, а чаще с немалым набором сходств, эти термины и их определения становятся исходной точкой формулирования научных идей, концепций и теорий и даже школ.

На основе **материалов** юридических публикаций, применяя методы юридических исследований, в частности, такие, как **методы сравнительного анализа и синтеза полученных данных, анкетирования** определим возможность использования термина «противодействие преступности», а также его содержательное наполнение относительно воздействия на преступность вообще, и уголовно-правового воздействия, в частности.

По верному выражению И. Я. Козаченко, в котором подчеркивается неразрывная связь противодействия преступности и уголовного права, «развивая уголовно-правовые теории, изучая зарубежное законодательство и международно-правовой опыт противодействия преступности, наука уголовного права способствует совершенствованию отечественного уголовного законодательства, его модернизации. Анализируя отдельные нормы уголовного права, обобщая правоприменительную практику, наука уголовного права разрабатывает рекомендации по совершенствованию системы мер профилактики как отдельных видов преступлений, так и преступности в целом. В этих целях наука уголовного права использует ряд конкретных методов: исторический, систематический, обобщения практики применения уголовного закона, анализа уголовной статистики, сравнительного правоведения. Наука уголовного права успешно использует достижения других отраслей знания, криминологии, психиатрии, психологии, социологии, логики и т. д. Можно заключить, что как научная категория уголовное право способствует укреплению

национальной гордости за создание в стране силами ученых-юристов солидной научной школы, которой под силу решать на уровне мировых стандартов самые сложные уголовно-правовые проблемы» [7, с. 159—165].

Приставка *противо-* употребляется в значении «препятствующий, противодействующий чему-нибудь». *Противодействие* — действие, препятствующее другому действию. *Препятствовать* — создавать препятствия, не допускать чего-нибудь. Противодействие и борьба — это не антагонистичные явления. Термин «*бороться*» имеет несколько значений: 1) схватившись друг с другом, стараться осилить, повалить соперника; 2) состязаться, сражаться, стремясь одержать победу; 3) активно действовать в пользу или против чего-нибудь, преодолевая препятствия в стремлении достичь цели [8, с. 47, 566, 609].

Длительное применение и концептуальное наполнение в праве и обществе представлений о необходимости борьбы, и даже искоренения, ликвидации преступности исторически основывались на идеологическом подходе к этому социальному злу. По словам И. Я. Козаченко, «идеология двуединого начала обычного права в своей функциональной основе была направлена на единое восприятие окружающей действительности членами соответствующего этноса либо соответствующих этнических образований (семья, род, племя), на их объединяющие рецепторы. Идеология самосохранения ориентировала семью, род, племя на установление определенных правил (традиций, обычаев), соблюдение которых было беспрекословным. Идеология самозащиты диктовала выработку жесткого (в определенной мере жестокого) императива на случай нарушения членом семьи, сородичем, соплеменником действовавшего в их среде запрета, обычая. Ответная реакция на нарушения была скорой и беспощадной. Она осуществлялась в двух основных формах: убийство (физическое устранение) либо изгнание из семьи, рода, племени (изъятие из обычной для нарушителя природно-социальной среды), что само по себе было равно убийству. Можно заметить, что в тот период идеология самосохранения

была тождественна идеологии самозащиты. Наказание отдельного члена сообщества выступало своеобразной формой самосохранения всего сообщества. Этим в определенной мере можно объяснить столь прямолинейную и неотвратимую реакцию на любое нарушение запрета» [5, с. 23—24].

Об ограниченности применения только карательного подхода в противодействии преступности, о том, что «жестокость наказания, даже в разумных пределах, является иллюзорной», писали, и продолжают писать многие учёные [4, с. 94—98].

От идей Ч. Беккариа и до современной действительности ученые предлагают разумное сочетание уголовно-правовой защиты с иными мерами. Так, например, подчеркивая важность учёта социально-экономических мер, И. Я. Козаченко утверждает: «если преступность в нелегальных или полунелегальных социальных условиях имеет возможность не только существовать, но и самоорганизовываться, не вызывает сомнения тезис в том, что рассматриваемому явлению присущи такие управленческие модели, которые можно перенимать в качестве достойных образцов противодействия этой же самой преступности. Важно выяснить, какие причины лежат в основе низкой эффективности уголовно-правовой защиты экономики страны. Очевидно, что в данном случае требуется комплексный подход: укрепляя экономическую базу государства, необходимо совершенствовать экономический блок уголовного законодательства страны. Очень важно при этом расширять прогностическую составляющую уголовно-правового защитного механизма» [6, с. 10]. Автор отмечает: «С учетом того, что преступность — явление, в равной степени сочетающее в себе социальное и экономическое начала, можно обосновывать тезис о том, что в любом обществе преступности должны противодействовать две равнозначных и взаимозависимых модели: социальная и экономическая. Аксиоматичен тезис о том, что если социальная сфера общества и государства находится на высоком нравственном уровне, то и экономический потенциал этого общества и государства предельно богат; если же слаба экономическая база общества

и государства, то и нравы будут соответствующими» [6, с. 12].

Проведя обзорный анализ терминов, используемых в научном обороте разными криминологическими школами при определении характера воздействия на преступность («бороться», «предупреждать», «управлять», «контролировать» и «реагировать»), Ю. В. Трунцевский приходит к выводу о том, что их лингвистическое толкование делает возможным употреблять обобщающий термин «противодействие» в случаях, «когда речь идет о предупреждении, профилактике преступности (понимание терминов «предупреждение» и «профилактика» как однопорядковых встречается в юридической литературе у М. М. Бабаева [1, с. 7], П. С. Дагеля [3, с. 6]), а также применении к ней правоохранительных мер» [9, с. 167].

Идею единого, равноуровневого законодательства о противодействии преступности, опирающегося на общие принципы, цели и задачи, включающего в себя, в частности, уровень криминологического законодательства и уровень кодексов — Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного, развивает в своих работах Д. А. Шестаков.

Таким образом, **в результате изучения** юридической литературы последних лет мы все чаще встречаем интегративный подход к противодействию преступности и его регулированию. Нами использованы результаты, полученные в ходе экспертного опроса 510 работников правоприменительных органов: судей, следователей СК России, прокуроров, работников органов внутренних дел, а также 51 работника профильных научных и образовательных учреждений при написании докторской диссертации [2]. Опрос проводился в 2013—2014 гг. Были опрошены практические работники регионов России, расположенных в Центральном, Северо-западном, Южном, Северокавказском, Уральском и Сибирском федеральных округах, в том числе проходившие обучение по программам переподготовки и повышения квалификации в Академии СК России, Академии управления МВД России, иных образовательных учреждениях. Опрошены

научно-педагогические работники образовательных и научных учреждений России, Беларуси и Финляндии (из числа зарубежных специалистов опрошены те, кто имеют ученые степени, полученные в Российской Федерации). Многие опрошенные нами практические и научно-педагогические работники, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, в каких направлениях общество и государство должны противодействовать преступности?» обнаруживают единодушие с приведенными позициями ученых и в 0,2% случаев дают ответ: «Как предупреждать возможность совершения преступлений, так и бороться с совершенными преступлениями». Иные мнения отражены в ответах «Только бороться с уже совершенными преступлениями (выявлять, раскрывать, расследовать преступления, назначать и исполнять наказания)» — 4,5%; «Только предупреждать совершение преступлений» — 2,8% ответов. Примечательно, что 2,5% ответов являются оригинальными, среди них: «совершенствовать уголовное право, отказаться от статистики, палочной системь»; «реальные, эффективные меры социальной реабилитации, адаптации осужденных»; «ужесточить наказания за совершения преступлений» и т. п.

С учетом того, что любая деятельность предполагает наличие субъектов, «развернуть» определение можно так: *противодействие преступности* — это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению совершения преступлений, в том числе по выявлению и последующему устранению причин преступлений, совершенных ранее; б) по пресечению совершаемых, выявлению, раскрытию и расследованию совершенных преступлений, назначению и исполнению уголовных наказаний, минимизации (ликвидации) последствий преступлений (борьба с преступностью). На наш взгляд, минимизация (ликвидация) последствий преступлений

в настоящее время как отдельное направление противодействия преступности недостаточно регламентирована самостоятельными нормами, она «растворяется» в общих предписаниях, направленных на предупреждение совершения подобных деяний в будущем, может реализовываться мерами борьбы с преступностью. Мы полагаем, что минимизация (ликвидация) последствий преступлений происходит не на этапе предупреждения (в смысле недопущения совершения) преступлений. Общественно опасное деяние уже совершено, поэтому последствия минимизируются и (или) ликвидируются в рамках реагирования на факт совершения преступления. Полагаем в связи с этим, что, например, законодательство о социальной реабилитации осужденных и возмещении вреда потерпевшим должно применяться к отношениям, возникшим в результате совершения преступления. Отсюда, регулирование минимизации, ликвидации последствий преступлений логичнее рассматривать как законодательное направление борьбы с преступностью.

Схожее понимание противодействия преступности нашло нормативное закрепление в федеральных законах: «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ¹, «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ², «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ³. Оно учитывает смысл и удачно сопоставляет термины «противодействие», «борьба», «предупреждение».

Обсуждение результатов

На наш взгляд, споры о том, какой термин больше подходит к процессу воздействия на преступность, могут оказаться излишними при следующем подходе к определению названного воздействия: противодействие преступности — это деятельность, включающая совокупность мер по предупреждению преступлений и борьбе с преступностью.

¹ Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

² Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.

³ Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.

Выводы

С учетом сказанного, на основе закрепляющегося в науке подхода к противодействию преступности могут развиваться идеи и концепции такого воздействия на преступность, которые не будут ограничиваться лишь наказательным воздействием. Допустим, в развитие описанного двунаправленного понимания можно формулировать *определение системы законодательства о противодействии преступности* как совокупности находящихся в закономерных взаимосвязях между собой законов федерального и регионального уровней, регулирующих отношения по предупреждению совершения преступлений, в том числе по выявлению

и устранению причин преступлений, совершенных ранее, а также отношения, направленные на борьбу с преступностью, в том числе по пресечению совершаемых, выявлению, раскрытию и расследованию совершенных преступлений, назначению и исполнению уголовных наказаний, минимизации (ликвидации) последствий преступлений.

Заключая изложенное, с учётом постепенного отмирания в юридической науке терминов «искоренение преступности», «ликвидация преступности», предлагаем использование термина «противодействие преступности» в качестве обобщающего для категорий «борьба с преступностью» и «предупреждение преступлений».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики / М. М. Бабаев // Проблемы социологии уголовного права : сборник научных трудов. — Москва : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1982. — С. 5—16.
2. Гончаров, Д. Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра. юрид. наук / Гончаров Денис Юрьевич. — Екатеринбург, 2014. — 515 с.
3. Дагель, П. С. Проблемы советской уголовной политики : учебное пособие / П. С. Дагель. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. — 124 с.
4. Козаченко, И. Я. Жестокость наказания — иллюзии и реалии / И. Я. Козаченко // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Рязань, 24—25 ноября 2016 г.). — Рязань : Академия ФСИН России, 2016. — Т. 1. — С. 94—98.
5. Козаченко, И. Я. Закон идеологии и идеология уголовного закона / И. Я. Козаченко // Российский юридический журнал. — 2008. — № 4. — С. 23—27.
6. Козаченко, И. Я. Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты / И. Я. Козаченко // Общество и право. — 2018. — № 1 (63). — С. 8—13.
7. Козаченко, И. Я. Уголовное право в жизни социума / И. Я. Козаченко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2016. — Т. 1, № 9. — С. 159—165.
8. Лопатин, В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Эксмо, 2009. — 928 с.
9. Трунцевский, Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли / Ю. В. Трунцевский // Российский криминологический взгляд. — 2010. — № 3. — С. 165—173.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.09.2020.

Сведения об авторе:

ГОНЧАРОВ Денис Юрьевич. Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права. Уральский государственный экономический университет.

620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: denis667777@mail.ru.

Для цитирования:

Гончаров, Д. Ю. Противодействие преступности как модель комплексного уголовно-правового воздействия / Д. Ю. Гончаров // Викимнология. — 2020. — № 3 (25). — С. 20—26.

Goncharov D. Yu.

COUNTERING CRIME AS A MODEL OF COMPLEX CRIMINAL LAW IMPACT

One of the basic categories of legal science is terminology that denotes the essence of the impact on crime. The known terms, with all their similarities, can have significant essential and etymological differences, which ultimately have an important epistemological meaning. Based on the materials of publications, applying the methods of legal research, in particular, methods of comparative analysis and synthesis of the data obtained, questionnaires, the article defines the possibility of using the term “combating crime”. Its content is outlined regarding the impact on crime in general, and criminal law impact, in particular. The works of I. Ya. Kozachenko, Yu. V. Truntsevsky, D. A. Shestakov, M. M. Babaev, P. S. Dagele and other scientists. We used the results obtained in the course of an expert survey of 510 law enforcement officials: judges, investigators of the Investigative Committee of Russia, prosecutors, employees of internal affairs bodies, as well as 51 employees of specialized scientific and educational institutions. The survey was conducted in 2013—2014. Practitioners from the regions of Russia located in the Central, Northwestern, Southern, North Caucasian, Ural and Siberian federal districts were interviewed, including those trained in retraining and advanced training programs at the Academy of the Investigative Committee of Russia, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and other educational institutions. Scientists and pedagogical workers of educational and scientific institutions of Russia, Belarus and Finland were interviewed (among foreign specialists, those who have scientific degrees obtained in the Russian Federation were interviewed). As a result of the study, the predominance of an integrative approach to combating crime and its regulation was found. The author’s definition is proposed: counter crime is an activity that includes a set of measures to prevent crime and combat crime.

Keywords: counter crime, criminal law impact, crime prevention, crime prevention legislation, integrative approach.

REFERENCES

1. Babaev, M. M. O sootnoshenii ugolovnoy i kriminologicheskoy politiki / M. M. Babaev // Problemy sotsiologii ugolovnoogo prava : sbornik nauchnykh trudov. — Moskva : Izd-vo Vsesoyuz. in-ta po izuch. prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1982. — S. 5—16.
2. Goncharov, D. Yu. Kontseptualnye osnovy mezhotraslevykh vzaimosvyazey v zakonodatelstve o protivodeystvii prestupnosti : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitelnoe pravo» : dis. ... d-ra. yurid. nauk / Goncharov Denis Yurevich. — Yekaterinburg, 2014. — 515 s.
3. Dagel, P. S. Problemy sovetskoj ugolovnoy politiki : uchebnoe posobie / P. S. Dagel. — Vladivostok : Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1992. — 124 s.
4. Kozachenko, I. Ya. Zhestokost nakazaniya—illyuzii i realii / I. Ya. Kozachenko // Ugolovno-ispolnitelnaya politika i voprosy ispolneniya ugolovnykh nakazaniy : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ryazan, 24—25 noyabrya 2016 g.). — Ryazan : Akademiya FSIN Rossii, 2016. — T. 1. — S. 94—98.
5. Kozachenko, I. Ya. Zakon ideologii i ideologiya ugolovnoogo zakona / I. Ya. Kozachenko // Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal. — 2008. — № 4. — S. 23—27.
6. Kozachenko, I. Ya. Modeli protivodeystviya prestupnosti: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskij aspekt / I. Ya. Kozachenko // Obshchestvo i pravo. — 2018. — № 1 (63). — S. 8—13.
7. Kozachenko, I. Ya. Ugolovnoe pravo v zhizni sotsiuma / I. Ya. Kozachenko // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii. — 2016. — T. 1, № 9. — S. 159—165.
8. Lopatin, V. V. Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka / V. V. Lopatin, L. Ye. Lopatina. — Moskva : Eksmo, 2009. — 928 s.
9. Truntsevskiy, Yu. V. Rossiyskoe ugolovno-preventivnoe pravo: priznaki otrasli / Yu. V. Truntsevskiy // Rossiyskiy kriminologicheskij vzglyad. — 2010. — № 3. — S. 165—173.

Information about author:

GONCHAROV Denis Yurievich. Doctor of Law Science, associate Professor, Professor of the Department of public law. Ural state University of Economics.

62, ul. 8 Marta, 620144, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: denis667777@mail.ru.

For citation:

Goncharov D. Yu. Protivodeystvie prestupnosti kak model kompleksnogo ugolovno-pravovogo vozdeystviya [Countering Crime as a Model of Complex Criminal Law Impact]. Viktimologiya [Victimology], 2020, no. 3 (25), pp. 20—26.